

Посмотри в зеркало. Ты ли это?..

ЧИТАЙТЕ ВСЕ КНИГИ БЛЕЙКА КРАУЧА:

Трилогия «Сосны»

Сосны. Город в Нигде

Сосны. Запутавшие

Сосны. Последняя надежда

Отдельные романы

Беглецы. Неземное сияние

Западня. Занесенные снегом

Абандон. Брошенный город

Темная материя

Блейк Крауч

ТЕМНАЯ
МАТЕРИЯ

МОСКВА
2017

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
К77

Blake Crouch
DARK MATTER

DARK MATTER Copyright © Blake Crouch, 2015. This edition published by arrangement with InkWell Management LLC and Synopsis Literary Agency

Разработка серии *А. Саукова*.
Иллюстрация на обложке *В. Коробейникова*.

Крауч, Блейк.

К77 Темная материя / Блейк Крауч ; [пер. с англ. С.Н. Самуйлова]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (Город в Нигде. Кинообложка).

ISBN 978-5-699-93644-1

Джейсон Дессен, выдающийся физик, некогда отказался от блестящей научной карьеры и стал обычным преподавателем в колледже. Теперь все его внимание отдано семье — любимым жене и сыну. Они для Джейсона важнее всего. И вдруг — это нелепое похищение... Незвестный в маске напал на Дессена на улице, под дулом револьвера усадил его в машину, отвез к заброшенному зданию и ввел ему в вену непонятный препарат. Джейсон потерял сознание. А очнувшись, обнаружил себя окруженным массой людей; все они обращались к нему как к старому другу и наперебой поздравляли его с возвращением — и с тем, что его открытие наконец-то сработало. Вот только Дессен не знал никого из этих людей. И уж тем более не ведал, что за открытие совершил...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Перевод на русский язык,
С.Н. Самуйлов, 2016
© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательство Э», 2017

ISBN 978-5-699-93644-1

*Для тех, кто хочет знать,
какой могла быть жизнь
в конце непройденной дороги*

Что быть могло и что случилось,
Все сводится к извечному концу.
В памяти эхо шагов
По коридору, в который мы не свернули,
К двери, которую мы не открыли.

Т.С. Элиот «Берт Нортон»

Глава 1

Люблю четверговые вечера.

Есть в них что-то вневременное.

Такая у нас традиция — семейный вечер, только мы втроем.

Мой сын Чарли сидит за столом, рисует что-то в альбоме. Ему почти пятнадцать. Вырос за лето на два дюйма и уже почти догнал меня.

Я отворачиваюсь от лука, который режу на разделочной доске.

— Можно посмотреть?

Сын поднимает альбом, показывает горный хребет — нечто инопланетное.

— Мне нравится, — говорю я. — Просто так или...

— Домашнее задание. Завтра сдавать.

— Что ж, трудись, мистер В-Последнюю-Минуту.

Довольный и чуточку пьяный, я стою у себя на кухне и даже не подозреваю, что этот сегодняшний вечер — конец всего. Всего, что я знаю, всего, что люблю.

Никто не скажет, что скоро все изменится, что тебя лишат всего-всего. Никакой системы предупреждения о приближающейся опасности нет, как нет ни малейшего указания на то, что ты уже стоишь над пропастью. Может быть, именно поэтому трагедия так трагична. Дело не в том, что случается, а в том, *как* это случается: удар настигает внезапно, когда ты совсем его не ждешь. Ни увернуться, ни собраться уже не успеваешь.

Светодиодные светильники отражаются на поверхности вина в бокале, и в глазах начинает пощипывать от лука. На старенькой вертушке в кабинете крутится пластинка Телониуса Монка. Аналоговые записи можно слушать бесконечно — в них есть некая сочность звучания, особенно эти щелчки между треками. В кабинете у меня груды редких виниловых дисков, и я постоянно говорю себе, что однажды возьмусь за них и приведу все в порядок.

Моя жена Дэниела сидит на «кухонном острове». В одной руке у нее почти пустой бокал, в другой — телефон. Почувствовав мой взгляд, она улыбается и, не отрывая глаз от экрана, говорит:

— Знаю, знаю. Я нарушаю главное правило семейного вечера.

— Что-то важное? — спрашиваю я.

Дэниела смотрит на меня темными испанскими глазами.

— Ничего.

Я подхожу к ней, мягко забираю телефон и кладу его на столешницу.

— Могла бы приготовить пасту.

— Предпочитаю смотреть, как готовишь ты.

— Вот как? Тебя это заводит, да? — понизив голос, спрашиваю я.

— Не-а. Мне просто больше нравится выпивать и бездельничать.

Ее дыхание отдает сладким запахом вина. На губах она держит улыбку, с архитектурной точки зрения совершенно невозможную. Улыбку, которая до сих пор действует на меня убийственно.

Я допиваю последние капли.

— Откроем еще бутылочку?

— Было бы глупо не открыть.

Пока я вожусь с пробкой, Дэниела забирает свой телефон и показывает мне дисплей.

— Читала в «Чикаго мэгэзин» рецензию на шоу Марши Альтман.

— И как? Благожелательная?

— Да. Практически любовное письмо.

— Она молодец.

— Я всегда думала...

Супруга обрывает предложение, не доведя его до конца, но я знаю, куда ее потянуло. Пятнадцать лет назад, еще до знакомства со мной, Дэниела делала первые шаги и подавала надежды на артистической сцене Чикаго. У нее была студия в Бактауне, она показывала свои работы в полудюжине галерей и готовилась к сольной выставке в Нью-Йорке.

Потом вмешалась жизнь. Я. Чарли. Тяжелая послеродовая депрессия.

Крушение планов.

Сейчас Дэниела дает частные уроки живописи школьникам.

— Не то чтобы я не рада за нее. То есть да, она умница, талант, и она все это заслужила.

— Послушай, — говорю я, — если тебе станет лучше, Райан Холдер только что получил премию Павиа.

— А что это такое?

— Междисциплинарная награда, которую дают за высокие достижения в биологических и физических науках. Райана отметили за работы в области нейробиологии.

— Премия большая?

— Миллион долларов. Признание. Широкие возможности для получения грантов.

— Повышение по службе?

— Истинная ценность награды именно в этом. Он пригласил меня сегодня отметить это дело неформальным образом в узком кругу, но я отказался.

— Почему?

— Потому что сегодня наш вечер.

— Тебе надо сходить.

— Не пойду.

Дэниела поднимает свой пустой бокал.

— То есть ты хочешь сказать, что у нас с тобой есть веская причина напиться?

Я целую ее и щедро наливаю нам обоим из только что открытой бутылки.

— Эту премию мог бы получить ты, — говорит Дэниела.

— А ты могла бы владеть художественной сценой этого города.

— Зато у нас есть это. — Жена делает широкий жест, включающий в себя обширное пространство нашего городского особняка; его я купил еще до встречи с ней на деньги, полученные по наследству. — И это... — Она кивает в сторону Чарли, который полностью поглощен работой. Своей сосредоточенностью наш сын напоминает Дэниелу, когда та с головой уходит в живопись.

Странная это штука — быть родителем подростка. Одно дело — растить ребенка, и совсем другое, когда за умным советом обращается человек, стоящий на пороге взрослости. У меня такое чувство, что дать-то особо и нечего. Подозреваю, есть отцы, которые видят мир в определенном ракурсе, четко и ясно, и они всегда знают, что говорить сыновьям и дочерям. Но я не из их числа. Чем старше становится мой ребенок, тем меньше я понимаю. Я люблю сына. Он для меня — все. И при этом мне трудно избавиться от чувства, что я каким-то образом подвожу его. Отправляю в суровый и жестокий мир всего лишь с крохами моих довольно неопределенных убеждений.

Я подхожу к шкафчику возле раковины, открываю его и начинаю искать коробку с фетгуччине.

Дэниела поворачивается к Чарли:

— Твой папа мог бы получить Нобелевскую премию.

Я смеюсь.

— Это, пожалуй, преувеличение.

— Чарли, не верь, — возражает жена. — Он — гений.

— Ты милая, — говорю я. — И немножко пьяная.

— Ты сам знаешь, что это правда. Наука шагнула не так далеко вперед, потому что ты любишь свою семью.

Я только улыбаюсь. Когда Дэниела выпивает, случаются три вещи: у нее начинает проскакивать родной акцент, она становится агрессивно доброй и у нее появляется склонность к преувеличению.

— Твой отец сказал мне однажды ночью — никогда этого не забуду! — что чисто научное исследование требует полного самоотречения. Он сказал... — На какое-то мгновение — и к моему удивлению — эмоции у супруги берут верх. Глаза ее затуманиваются, и она качает головой, что делает всегда перед тем, как расплакаться. Но в последний момент Дэниела все же справляется с собой и продолжает: — Он сказал: «На смертном одре хочу вспоминать тебя, а не холодную, стерильную лабораторию».

Бросаю взгляд на Чарли и вижу, как тот, не отрываясь от работы, закатывает глаза. Наверное, смущен разыгрывающейся на его глазах родительской мелодрамой. Я смотрю в шкафчик и жду. Подступивший к горлу комок рассасывается, и я, взяв пасту, закрываю дверцу.

Дэниела пьет вино.

Чарли рисует.

Трогательный момент проходит.

— Где у Райана вечеринка? — спрашивает жена.

— В «Виллидж тэп».

— Так это ж твой бар!

— И что?

Она подходит и забирает у меня коробку с пастой.

— Иди, выпей со старым колледжским приятелем. Скажи, что гордишься им. И выше голову! Передай мои поздравления.

— Твои поздравления я передавать не буду.

— Почему?

— Ты ему нравишься.

— Перестань!

— Так и есть. С тех самых пор, когда мы жили в одной комнате в общежитии. Помнишь последнюю рождественскую вечеринку? Он только и делал, что пытался заманить тебя под омелу.

Дэниела смеется.

— Когда вернешься, обед уже будет на столе.

— Значит, вернуться мне нужно через...

— Сорок пять минут.

— Что бы я без тебя делал?

Она целует меня.

— Давай даже не будем об этом думать.

Я беру ключи и бумажник с керамического блюда возле микроволновки и выхожу в столовую, задержав взгляд на тессерактовой¹ люстре над обеденным столом. Дэниела подарила ее мне на десятую годовщину свадьбы. Самый лучший подарок.

У передней двери меня догоняет голос жены:

— Будешь возвращаться, возьми мороженое.

— Мятное с шоколадной крошкой! — добавляет

Чарли.

Я поднимаю руку и выставляю большой палец.

Не оглядываюсь.

Не прощаюсь.

И мгновение уходит незамеченным.

Конец всего, что я знаю. Всего, что люблю.

¹ То есть в форме тессеракта — развертки четырехмерного куба в трехмерном пространстве; выглядит как восемь трехмерных кубов, соприкасающихся друг с другом гранями в определенном порядке.

Я прожил на Логан-сквер двадцать лет, и краше всего это место бывает в первую неделю октября. На память всегда приходит строчка из Ф. Скотта Фицджеральда: «Жизнь начинается заново с первой осенней свежестью».

Вечер выдался прохладный, небо ясное, и на нем прекрасно видна рассыпанная пригоршня звезд. В барах шумнее обычного, их заполнили разочарованные фанаты «Кабс»¹.

Я ступаю на тротуар под мерцающей пестрой вывеской «ВИЛЛИДЖ ТЭП» и смотрю в открытую дверь корнер-бара, найти который можно в любом уважающем себя районе Чикаго. Этому бару случилось стать моей местной забегаловкой. К дому он самый близкий — всего-то пара кварталов.

Я прохожу сквозь сияние голубой неоновой вывески перед окном и переступаю порог. Пробиваясь через толпу, киваю Мэтту, хозяину и по совместительству бармену.

— Только что рассказал о тебе Дэниеле, — говорю я Райану Холдеру.

Он улыбается. Для преподавателя-лектора вид у него весьма изысканный и ухоженный — загорелый, в черной водолазке, растительность на лице тщательно подстрижена.

— Чертовски приятно тебя видеть. Тронут. Дорогая? — Холдер трогает голое плечо молодой женщины, сидящей на соседнем табурете. — Ты не уступишь место моему старому другу? На минутку?

Женщина послушно освобождает табурет, и я сажусь рядом с Райаном. Он подзывает бармена.

¹ «Чикаго кабс» — американский профессиональный бейсбольный клуб, выступающий в Главной бейсбольной лиге.

— Мы хотим самого дорогого, что есть в вашем заведении.

— Райан, не надо... это ни к чему, — пытаюсь я отказаться.

Друг хватает меня за руку.

— Сегодня пьем самое лучшее.

— Есть двадцатипятилетний «Макаллан», — говорит Мэтт.

— Двойной. На мой счет, — заказывает Холдер.

Бармен уходит, и Райан тычет мне кулаком в плечо. Сильно.

За ученого его с первого взгляда и не примешь. В студенческие годы он играл в лакросс, о чем до сих пор напоминают его широкие плечи и легкость движений прирожденного атлета.

— Как Чарли и милая Дэниела?

— Отлично.

— Надо было взять Дэниелу с собой. Я не видел ее с прошлого Рождества.

— Просила передать тебе поздравления.

— У тебя чудесная жена, но это не такая уж новость.

— Каковы шансы, что и ты в ближайшее время остепенишься?

— Почти никаких. Холостяцкая жизнь с ее немалыми преимуществами меня вполне устраивает. А ты по-прежнему преподаешь в Лейкмонт-колледж?

— Да.

— Приличное заведение. Базовый курс физики?

— Точно.

— Значит, преподаешь...

— Квантовую механику. В основном вводную часть. Ничего жутко сексуального.

Мэтт возвращается с нашими напитками. Райан берет у него стаканы и ставит мой передо мной.

— Так ты сегодня празднуешь... — начинаю я.

— Экспромт. Несколько аспирантов организовали. Больше всего им хочется напоить меня и учинить суд.

— У тебя удачный год. Я еще помню, как ты чуть не засыпался на дифференциальных уравнениях.

— И спас меня ты. Не в первый и не в последний раз.

На мгновение под уверенностью и глянцем проглядывает бестолковый студент-весельчак, с которым я полтора года делил отвратительную комнату в общезжитии.

— Павиа тебе дали за...

— Идентификацию префронтального кортекса как генератора сознания.

— Точно. Конечно. Я же сам в газете читал.

— И что думаешь?

— Блеск.

Похвала ему определенно по вкусу.

— Сказать по правде, Джейсон, — говорю это без лишней скромности, — я всегда думал, что прорывную работу опубликуешь ты, — признается мой друг.

— Правда?

Холдер изучающе смотрит на меня поверх черной пластиковой оправы очков.

— Конечно. Ты умнее меня. Это все знали.

Отпиваю виски и стараюсь не показать, насколько он хорош.

— Хочу спросить... Ты сейчас кем себя считаешь — ученым-исследователем или преподавателем?

— Я...

— Потому что я, прежде всего и главным образом, считаю себя человеком, ищущим ответы на фундаментальные вопросы. Если люди, которые меня окружают... — Райан кивает в сторону прибывающих студентов, — достаточно умны, чтобы поглощать знания всего лишь за счет близости ко мне... что ж, отлично. Но передача знаний сама по себе меня не интересует. Значение имеет только наука. Исследование.